

A photograph of a woman lying in a hospital bed, holding a newborn baby. A medical professional in blue scrubs and a cap is leaning over the woman. The scene is set in a hospital room.

Андриана Юдина

ДОУЛА.
НАЧАЛО ПУТИ

Повесть

Андриана Юдина

Доула. Начало пути. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70609282

ISBN 9785006283411

Аннотация

«Доула» – это повесть, в которой изменены только имена действующих героев. Повесть записана из рассказов реального человека, который научился достигать поставленных целей, не взирая на обстоятельства жизни, и стал талисманом для многих других людей на своем жизненном пути.

Содержание

1. Начало	5
2. Назад, в Будущее	9
3. Бабушка Тая	17
4. Вижу цель – не вижу препятствий	27
5. «Вот он мой клад, вот мой секрет» (из песни Русалочки)	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Доула. Начало пути

Повесть

Андриана Юдина

© Андриана Юдина, 2024

ISBN 978-5-0062-8341-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Начало

Она шла по длинному коридору отделения хирургии, известной на всю страну клиники, привычно преодолевая

сонливость. Маленькая, стройная, стремительная, в медицинском сиреневом халате с кокетливой белой полоской по окружности талии, с полупрозрачными блестящими пуговицами. Шапочка, скрывающая русые кудрявые локоны, ещё больше подчёркивала голубые глаза и едва уловимую улыбку бледных губ. Чтобы заработать на учёбу, приходилось подрабатывать ночами. Это не тяготило, она любила свою работу, и любила пациентов.

Но сосредоточиться над учебниками было все сложнее. Скоро летняя сессия, надо готовиться... Она казалась очень лёгкой, даже летящей, и только приглядевшись, можно было заметить, что одна лопатка сильно выступает – последствие детской травмы, когда отец воспитывал её ногами... Она двигалась так, словно перетекала из одной точки в другую, по дороге замечая все мелочи, сквозь дверные проёмы палат выхватывая напряжённые лица пациентов и успевая им кивнуть. Пациенты любили её, и в её дежурство даже самые скептические ипохондрики успокаивались.

Олеся сдала смену, и теперь, зевая, выпила растворимый кофе из пакетика, и собиралась уже переодеться – пора бежать на занятия, ко второй паре успеет!

В дверях санитаркой комнаты появилась фигура. Она это ощутила спиной и перестала расстегивать халат, чуть повернула голову.

– Олеся? Доброе! Зайдешь на минутку?

– Да, Арслан Кибетович, конечно! Переоденусь только!

По интонации было непонятно, хочет заведующий отделением высказать претензию, или может задание какое, особый пациент... Олеся знала, что начальство её ценит, и особым пациентам её рекомендовали, как хорошую сиделку. Опаздывать на занятия только не хочется, вторая пара акушерство и гинекология, непростой предмет...

– Арслан Кибетович, я тут...

– Заходи, Олеся! Присядь. Долго не задержу.

Олеся присела аккуратно на стул, коленями в сторону двери, готовясь выпорхнуть...

– Олеся... Послезавтра, я хочу тебя познакомить с моими друзьями. Очень хорошими людьми. Им нужна помощь. Не просто помощь, а за деньги. Они могут заплатить. За твою учёбу. И ты сможешь учиться, и отдыхать, и растить своих дочек. Они хорошо заплатят.

– Да? А что они хотят? Мою почку? – Олеся рассмеялась, немного нервно. Но Арслан Кибетович тоже рассмеялся в ответ: – Нет, нет! Никакого криминала. Ты с ними сама поговорить, и сама примешь решение. Но только не нужно с другими об этом разговаривать. Если ты решишь им помочь – это должно остаться тайной. Навсегда.

– Тайной... Навсегда... Заплатят за учёбу... Спокойно

учиться и растить дочек... О, Господи! Автобус уехал, поеду на метро, а то и к третьей паре опоздаю! – бормотала Олеся, провожая глазами только что отъехавший с остановки автобус.

На душе было смутно и радостно одновременно, но так сильно хотелось спать, что думать она не могла. В вагоне чудом оказалось свободное место, пожилая женщина с тросточкой, встав на выход, помогла Олесе протиснуться к нему, удерживая наседающую толпу, и она с облегчением откинулась на спинку, прикрыла глаза... «Проеду остановку, как прошлый раз..» Олеся достала учебник по акушерству и гинекологии, чтобы не уснуть прямо в метро...

2. Назад, в Будущее

– Соломонова! Олеся! Ну что такое, на всех мои уроках спит!!! – Ольга Михална, я не сплю, я задумалась! – Оле-

ся, как не стыдно! Неужели совсем не интересна гинекология? Ты же сама женщина, у тебя две дочки растут, и такое пренебрежение к важному предмету! – Ольга Михална... – Олеся!!! У тебя учебник открыт не на той странице, ты меня не слушаешь совсем! Ты слышала мой вопрос? – Ольга Михална, я с ночной смены, отвлеклась немного, сегодня ночь непростая была... Повторите, пожалуйста, вопрос. – Олеся, я-то чем виновата в твоей ночной смене? Переходи на вечернее! Вопрос был по предыдущей теме: признаки второй стадии родов. Что-то можешь сказать? – Да, конечно! Признаки начала второго периода родов – это потуги, полное раскрытие шейки матки и опускание головы младенца в тазовое дно. Схватки продолжаются, маточные сокращения всё больше продвигают малыша по родовым путям. Потугами называют одновременное сокращение мышечных волокон брюшины, диафрагмы и промежности. – Ещё? Важный признак?

После излития околоплодной жидкости схватки временно прекращаются. – Какие могут быть осложнения? – Ну... при тазовом предлежании плода, например... или слабость родовой деятельности... кровотечение может быть, разрыв матки... – Как предотвратить такие осложнения? – Мониторить положение плода с помощью УЗИ-сканирования, обучать женщину правильному поведению во время родов, если принимает лекарства – предупредить об ограничении аспиринсодержащих...

Звенит глухой звонок, больше напоминающий сработавшую аварийную сирену. Ольга Михайловна, в коричневом в клетку миниатюрном пиджаке и такой же обтягивающей юбке до колен, цокая каблучками, подходит к своему учительскому столу. Качая головой с отбеленными кудрями, наклоняется над журналом, ставит оценку. Вслух ничего не говорит. Она любит свой предмет, она хороший врач-гинеколог в прошлом, но у нее нет детей, и второй период родов она знает только снаружи. А Олеся знает его изнутри...

Студенты собирают сумки, толкаются в дверях – нужно переходить в другую аудиторию. Олеся тоже берет аккуратный бежевый рюкзачок с учебниками, и медленно выходит из аудитории, пропуская тех, кто входит. В столовую все равно не достояться за 10 минут, она достает запеченую сосиску в тесте, присаживается на подоконник. Смотрит в окно, на длинные ветки с липкой беззащитной зеленью, выбухнувшей из почек... Скоро будет совсем тепло... уже пахнет весной жизнью, новыми надеждами, мальчишки уже без курток ходят... Скоро Аришке 6 лет, надо к школе готовить. Олеся улетает в другую весну, где она еще не знает, что такое второй период родов...

– Ваня, я беременна!!! На этот раз точно!!! Ты рад?

– В смысле? А какой срок? К врачу ходила? Сейчас же делают этот... мини... Ну, который вакуумом...

– Ваня?.. Каким... вакуумом? Ты говорил, что очень любишь меня? Вчера?..

– Лесь, я тебя люблю, тебя, а для детей еще совсем не готов. Я еще сам не пожил! И на что?!

– Ваня...

– Олеся! Если ты сейчас решишь этот вопрос, все будет как прежде. Если нет – я не знаю, чем тебе помочь.

– Вань...

Олеся улыбалась, счастливо сияя голубыми глазами, обняв свой пока еще плоский живот сверху и снизу. Ваня был ее первой любовью, первым мужчиной, они были вместе уже три года. Ни разу ей не пришло в голову, разобраться, почему они живут в ее крошечной коммунальной комнате, в то время как Ванина мама живет в четырехкомнатной квартире напротив Владимирского собора. Ведь это квартира Ваниной мамы, не Олесина. Поэтому, наверное... Три года – большой срок, Олеся привыкла к тому, что она «с Ваней». А то что все продукты в холодильнике куплены на ее деньги, и пододеяльники, и носки даже Ванины... Они же вместе, они же семья! Казалось, само собой понятно, что вот-вот они поженятся...

Ванина мама приехала на другой день. Ну, точь в точь, «Москва слезам не верит»! В норковом полушубке с красивыми переливами светло-серого в серебристо-белый, без

шапки, с красным шарфиком на шее. Сапоги выше колен перетекали в обтягивающие черные брюки. Волосы заботливо уложены, волосок к волоску, макияж как для похода в театр, неяркий. Зачем этот шарфик красный, думала Олеся, если губы с темно-коричневой помадой... Тогда бы и шарфик бордовый...

– Олеся, я ценю твои умственные способности, так рассчитывать не каждая сможет. И квартира в центре исторического Петербурга, и коттедж двухэтажный в Парголово, отлично все продумала. Но только я эти розовые слюни подтирать не буду. Хочешь устроить свою жизнь – наилучшие пожелания! А моему сыну еще учиться нужно, на ноги вставать, а не о пеленках думать! Если нужны деньги на врача – я готова помочь, и даже подсказать, к кому можно обратиться, чтоб потом волосы на голове не рвать. Но вот эти манипуляции с намеками на загс – это не пройдет, не надейся!

Олеся все так же улыбалась, обнимая свой живот. Зачем она приехала, эта женщина? Разве этот спектакль стоил того, чтобы ехать через весь Питер, нагибаться перед крошечной дверью, ведущей из кухни коммуналки в ее, Олеси, комнатку? Здесь она не нужна, эта женщина... И деньги ее никому здесь не нужны...

Ваня унес даже книги, которые они вместе покупали. Даже полку для книг...

Ни одной минуты Олеся не размышляла, сразу отодвинувшись внутри от этих предателей. Сосредоточилась на предстоящем Празднике встречи с малышкой.

Аришка родилась с карими глазами, точно как у Ваниной мамы, и глаза эти были самыми любимыми для Олеси... А улыбка была Олесина, Аришка улыбалась даже во сне...

С Сережей они познакомились на свадьбе Наташи. Олеся и Наташа вместе росли в детдоме, были роднее чем сестры. Наташа ничего про своих родителей не знала, и для нее Олеся была самым близким существом на свете. Свадьбу играли молодежную, кто что принес с собой, вот и свадьба. Главное, что Сашка хороший, настоящий!

Сережа, Сашин друг, выглядел уверенным и авторитетным среди своих друзей. Поднимал тосты, говорил красиво, многоступенчато. Впечатлил своей эрудицией. Казался надежным... Это потом Олеся поймет, что друзья ему нужны для бесплатной выпивки, и весь этот авторитет – суть позерство и манипуляция теми, кто в нем нуждался.

Когда Олеся сказала Сереже, что она беременна, ответ был еще проще, чем у Вани: – Ну и зачем ты мне это сказала? Это твои женские дела, сама их и решай. Я ерундой этой не буду заниматься, меня друзья ждут! Пока!

Ерундой... Настена в животе не знала, что ее назвали «ерундой». Олеся чувствовала настоящую тревогу. Как Аришка-то будет, пока она доходит на последних сроках? Только 2 годика ей исполнится, еще на ручки просится... Надо с кем-то договариваться. Отцу нельзя оставить. Мать она не видела с 10 лет. С Сережиной мамой даже говорить не стоит, она со своим сыном не знает что делать...

Второй период родов был стремительный, после стимуляции схватки не давали передохнуть – в 11 сошли воды, в 15—15 уже надели бирку на ручку. За открытым окном стоял август, дождей пока не было, еще можно успеть походить в легком коротком платьице...

Олеся позвонила Сергею: – Дочка у нас с тобой родилась! – У кого «у нас»? Я тебе сказал, не отвлекай меня, когда я с друзьями! Сто раз говорил!

А глаза-то у Настены зеленые, прозрачные, и разрез глаз миндалевидный. В Сережу. Красотка получилась... Говорят, когда девочка на папу похожа – счастливая будет!

И с точно такой же улыбкой, как у Олеси! Теперь две улыбки спали в кроватках...

...Олеся смахнула слезу, скомкала пакетик из-под сосиски, поискала куда бросить – ладно, потом, пока в карма-

шек рюкзака. Плакать совсем не время, сейчас тушь потечет, да и студентов вокруг много, начнутся вопросы – что случилось, кто обидел. Никто не обидел. Весна... На последнюю пару Олеся решила сегодня не идти, а забрать девчонок из садика пораньше.

3. Бабушка Тая

Бабушка Тая себя бабушкой ни одной минуты не чувствовала, но званием гордилась очень. Родив сына в 17 лет, она ни разу о том не пожалела, но должной строгости в воспитании не хватило. Любимый зайчик ответственность на себя совсем не привык брать. Всю ответственность брала за него «бабушка Тая», в виде прекрасных внучат. Сорок пять – это прекрасный возраст, когда ты уже умеешь прощать себя и других, все понимаешь и никого не хочешь исправить...

– Звездочка моя зеленоглазая, солнышко мое лесное! Ножки не мерзнут? Нет? Точно? Еще покатаемся на горке? Или айда пить чай с пирожками? – Татьяна Яковлевна придерживала маленькую кокетку за розовый комбез с серебряными отражателями.

– Таемся! – Настена сверкнула глазами из-под капюшона. – Ну, еще пять минут, и пойдем! Тесто уже поднялось, надо успеть до Олесиного прихода напечь, и побегу к Нинке.... Ариша, зайка! Не лазь на эту лесенку, я тебя прошу, там какой-то штырь торчит внизу, отойди оттуда! Вон лучше иди на карусельку, с Мишей...

– Как повезло этому олуху, сыну моему, Господи, молитвы мои услышаны! Какая еще дура пошла бы за него, разве что прокаженная... И ведь ни капли не пила, не курила, как она это все выдержала, его эти все приключения... Каждый день я боялась, что она его выгонит... Ну вот, теперь красавица моя растет, слава Богу здоровенькая! Как я боялась, что урод родиться, с его-то наклонностями... – полушепотом быстро говорила Татьяна Яковлевна соседке, Мишиной бабушке, стоя на детской площадке рядом с подъездом.

– Ариша! Девочка моя любимая, брось эту палку, возьми лопаточку! – Татьяна Яковлевна кинулась к Арине, но та, весело повизгивая, бросилась на другую сторону от горки.

– Пойдем котиков посмотрим в окошке, ты любишь котиков! И Настенька с нами пойдет, да, моя звездочка? Вот какие девочки у меня красивые, и бабушку слушают, и пирож-

ки с чаем пойдут пить, да? Ариша, одевай скорее варежки, руки у тебя красные!

«Как она на отца-то похожа, как с одной формочки лепили, — думала Татьяна Яковлевна, глядя на хорошенькое личико внучки Настеньки, — и зубки так же растут, вылитая... Говорить рано начала, это в Олеся, конечно, та отличница с головы до ног, за что бы ни взялась, второе образование получает, и работает, хорошие гены... Главное, не пьет и ерунду никакую не нюхает, умная такая девочка... Надо бы ей парня хорошего, тяжело одной, молодая ведь, тепла душа хочет... Как-то поговорить с ней об этом, намекнуть, что мужики-то разные бывает, может и отец для девчонок будет, а то бабье царство у нас... Подберу момент, скажу ей... Но не сегодня, она после смены, спать ей надо, не до разговоров... Напеку пирогов и пойду, с Нинкой ещё сходить по делу надо, в другой раз с Олеся поговорим...»

Волосы немного растрепались из пучка, клипса на одном ухе съехала и грозила упасть, но обе руки Татьяны Яковлевны были заняты маленькими любимыми ручками, и счастье согревало и красило ее лицо, делая еще моложе...

Без перчаток было еще холодно, под вечер влага наполнялась холодом, готовясь заледенеть на ночь. Руки у Олеси стали красные, немели. Но она была рада, что прогулялась от метро до садика — надышалась свежим воздухом, шумом

трамвая и румяными лицами встречных прохожих. Словно соединилась с настоящей Жизнью, где кто-то кого-то ждет, и кто-то спешит на встречу к любимому... вот например, ее очень ждут ее девочки!

В хороший садик помог устроить малышей Арслан Кибетович. Он быстро заметил, что Олеся сильно отличается от большинства известных ему молодых женщин, совсем не ищет особого к себе внимания, и даже наоборот, избегает его. Очень немного ему удалось узнать от самой Олеси про ее проблемы. Но пациенты, с которыми Олеся общалась так, словно каждый из них ее брат, свекр или сестра, в момент выписки приходили и благодарили за Олесю, и передавали ему скупые ее откровения, которыми она делилась иногда в разговоре. Арслан Кибетович знал, что с мужем Олеся развелась сама, когда младшей дочке исполнился годик, и теперь одна. И судя по ее поведению, даже в мечтах не ищет себе мужа...

Красным пальчиком с коротко остриженным ногтем (санитарке маникюр не положен, это просто и неудобно даже, менять памперсы с цветными когтями на руках) Олеся нетерпеливо нажала на кнопку домофона.

Садик находился на втором этаже здания старой постройки, с художественным фасадом, который как раз взялись отреставрировать этой весной. В нескольких метрах от зем-

ли висел в альпинистском снаряжении парень с пульверизатором. Он постепенно передвигался сверху вниз, превращая зашарпанную, но уже подлеченную штукатурками стену в персиковый праздничный фасад. Делал он это сноровисто, с удовольствием, и Олеся застыла, запрокинув голову, на пару мгновений... Что-то в этом было волшебное: старый дом превращался в новый, стали видны лепные узоры вокруг окон и над крыльцом появились незаметные до сих пор вензеля.

Домофон, наконец, запищал, и Олеся потянула тяжелую железную дверь на себя, юркнула в получившуюся щель. Слушая, как шелестят мягкие сапоги-дутики, почти пробежала на второй этаж. Навстречу ей уже шла Наталья Федоровна, воспитательница старшей группы, в которую ходила Ариша.

Наталья Федоровна одевалась как-то очень правильно: не ярко, и очень удобно. В любой момент можно было к ней залезть на колени. Юбка чуть ниже колена, блайзер или джемпер с рукавами «три четверти», мягкий и теплых оттенков. На шее обычно были красивые недлинные бусики, которые привлекали взгляд, но не отвлекали от лица. Короткая стрижка с укладкой, серьги с красивыми камешками, глаза едва подведены, губы обычно без помады. Олесе было легко с ней, она чувствовала единство, чувствовала, что ей действительно важны эти чужие дети, она их видит и понимает.

Подспудно Олеся ощущала, что это она сама, лет через 10...

– Наталья Федоровна, можно моих забрать? Погода хорошая, во дворе еще побегаем... – Олеся Викторовна, так Татьяна Яковлевна их сразу после тихого часа забрала! – Ой... Я не позвонила, не предупредила ее, что пораньше я сегодня освободилась!

– Так она в пятницу всегда их так забирает, говорит, еще надо успеть вкусненькое Олесе приготовить, на работу возьмет на выходные.

Олеся обмякла от этих слов. Вдруг услышала, как бьется сердце и что-то в глазу щиплет. Соринка попала... Для нее? Татьяна Яковлевна лично для нее готовит по пятницам пироги с картошкой и грибами? Её любимые...

Ей не приходило это в голову, она так уставала, что просто сгребала их радостно, вместе с полотенцем, с тарелки, складывая в рюкзачок. Неприкосновенный запас на дежурство в больнице в выходные.

И ни разу не спросила – откуда такие вкусные? Оказывается, Татьяна Яковлевна печет их сама! Ни разу Олеся этого не видела, как не видела она, как Татьяна Яковлевна закатывает помидоры, сливовый компот и волшебные перцы с баклажанами, которые хотелось съесть вместе с банкой. Конечно же, она знала, что это закатки личного производства, но не видела, как они происходят на этот свет. Они просто

появлялись в ее шкафу.

Олеся шла неспеша от садика к дому. Солнце еще всюду светило, в апреле солнце в Питере щедрое. Олеся думала про пироги. Вон оно как... настоящая Бабушка Тая, настоящие пироги, и любовь – настоящая.

Олеся вспомнила вдруг, как Ваня, её первый мужчина, отец первой дочки, делил щеки после магазина. Иногда он все же платил на кассе, но потом дома, за завтраком, скрупулезно сверял расходы.

– Я только две сосиски съел из этой пачки, – говорил Ваня, держа в руках чек из «Пятерочки», – а шесть ты съела, меня же два дня не было здесь. Огурцы я вообще не трогал, а пищу я ел. Поэтому, ты мне 186 рублей на карту отправь.

Олеся не слышала тогда про психотерапевтов и самооценку, она просто радовалась, что они с Ваней вместе, что он теплый, гладкий, и приходит почти каждый день. И говорит, что любит её!

Но вот эти сосиски, твои-мои, они вставляли где-то поперек Олесиной груди, давили и кололи, мешая дышать. Не глотались они до конца, в прямом и переносном смысле.

Ванина мама пришла к Олеся единственный раз, на другой день после известия об Олесиной беременности. На прощание рассказала, что Ваню она родила лично для себя, и де-

лить его ни с кем не станет. Ни с женами, ни с детьми, ни с кем. С мужчинами у нее не складывалось, характер у нее был не легкий, и отношения разваливались, не сложившись. Материально она ни в чем не нуждалась, угождать кому-то причин не видела, сама себе хозяйка. В 30 лет, уже написав диссертацию, она решила, что так оно и к лучшему. Но ребенка «завести» надо, чтоб стакан воды на старости лет подал. Она его именно «завела»: выбрала мужчину, прикинулась доверчивой и наивной, а как только поняла, что беременна – больше не общалась. Ваня получился крепкий, красивый, и ни о какой такой его женитьбе его мама и думать не собиралась: родила для себя! Так и Олеся сказала: мой ребёнок, гулять пусть гуляет, а жениться – никогда!

Ваню Олеся больше не видела. А вот с его мамой потом еще был телефонный разговор... Но об этом вспоминать не хотелось.

После этого подробного рассказа, как Серафима Антоновна сына Ваню «завела для себя», Олеся стала наблюдать за собой. Что она думает о своем будущем ребенке? Он чей? Он для кого? И с радостью отмечала, что не нужен ей никакой стакан воды, а хочет она научить этого человека лепить из пластилина и рисовать акварелью, а еще – кататься на коньках... и в танцы... Ой, может в танцы не надо.

Родители Олеси были профессиональными танцовщика-

ми, не пили и не курили, много тренировались. Но в 10 лет, когда мать почему-то ушла из семьи, Олеся оказалась в детском доме. Её успели выхватить от обезумевшего от потери отца. Всю свою горечь и злобу он вымещал на дочке, которую и винил в том, что жена ушла к другому...

Олеся уже дошла до своего дома, подняла голову: окошко её горит, значит, уже нагулялись с бабушкой, дома уже.

Прошла в кухню не разуваясь, и наткнулась: на столе уже раскатанное тесто, кастрюлька с начинкой, блестящий противень с бумагой для выпекания.

– Тая Якольна! Вы сами их печете? Когда успеваете? А меня научите? – Олесичка! Ты рано сегодня, как хорошо! Сейчас поставлю в духовку и пойду, обещала еще сегодня к Нине зайти, ну ты знаешь, надо помочь ей...

Татьяна Яковлевна, мама Сергея, отца Настены, оказалась невероятной, волшебной бабушкой. Узнав о беременности Олеси, она тут же сама купила кольца и отвела их в загс. Это было настолько неожиданно, после опыта общения с Ваниной мамой, что Олеся поначалу ждала подвоха. Но Татьяна Яковлевна сама напросилась понянчить Аришку, высвободила время для работы и учебы. Ни о чем Олеся не просила ее – она сама просила Олесю, разрешить поучаствовать. Встречала из роддома со слезами на глазах, бережно прижимала малышку к себе...

Сергей пришел к роддому встречать пьяный и без цветов. Но хотя бы не одна, как в прошлый раз. Когда Настеньке исполнился год, Олеся застала в своей комнате неизвестную молодую женщину. Сердце уже не болело, даже наоборот, облегчение чувствовала Олеся – что кончился этот кошмар между надеждой и беспомощностью. А вот с Татьяной Яковлевной они стали настоящими друзьями, и развод с Сергеем даже укрепил эту дружбу. Теперь между ними не стояли молчаливые претензии друг к другу на тему пьянства и гуляний Сергея, все стало ясно и просто, и они вместе растили девочек.

4. Вижу цель – не вижу препятствий

Мнение Татьяны Яковлевны про Олесю было полностью заслуженное, никакой эйфории или экзальтации в нем не было. Татьяна Яковлевна была уверена, что Олеся и сама бы справилась, боец она была несломляемый. Но «бабушке Тае» было радостно и дорого, что Олеся не оттолкнула ее, после

того как Сергей привел в Олесину комнату представительницу очень древней профессии. Олеся среагировала на это, как на дурной сон, ничего не выпрашивая, без истерик и требований, попросила Сергея дать согласие на развод, и как можно быстрее исчезнуть из ее жизни.

Сергей исчез более или менее быстро – сразу, как вывез из Олесиной комнаты все, что покупал он и что покупал не он, разве что косяки у дверей отрывать не стал. Олеся осталась на матрасе с двумя маленькими детьми, кровать для малышки покупала Татьяна Яковлевна, ее только он и не тронул. Со стыда готова была сквозь землю провалиться Татьяна Яковлевна, и готова была, конечно же, к самым неприятным словам в свой и сыночка своего адрес. Но совсем другое случилось. Олеся ни в суд не подала, никому не жаловалась, кое-как приткнула доску одним концом на подоконник, другим на старый коммунальный стул, имевший статус «общего», – и так вот получился стол обеденный. Татьяна Яковлевна все ждала, когда прорвется из нее крик и боль, злоба и гнев – но ничего так и не сказала Олеся, ни тогда, ни теперь, ни одного плохого слова про Сергея. Вообще никакого слова про него она не сказала с тех пор...

То, что Олеся доверила Татьяне Яковлевне и ключи от квартиры, и свою старшую дочь нянчить, было для Татьяны Яковлевны словно знаком тотального Прощения. Ни-

кто ведь дорогое свое врагу не может вручить, раз она дочь свою оставляет – значит, нет за пазухой камня. А для Татьяны Яковлевны было это очень и очень важно, ответственность за сына она не просто чувствовала, как мать, но прекрасно понимала, что только вот такая Олеся могла решиться родить от алкоголика (назовем уж вещи своими именами) и разгильдяя.

Олеся-то после Вани совсем потерялась, чувствовала себя ржавой копейкой на дороге Судьбы, и никого и не винила. Напротив, она радовалась, что хоть Ваня-то у нее был, и теперь вот дочка. Когда Сергей, на очередной молодежной вечеринке у близких Олесиных друзей, предложил ей стать его девушкой, у нее и мысли не было – а достоин ли он её? Мысль одна была: ещё кто-то смотрит на нее как на девушку, а не как на мать-одиночку!

Этот путь, отметина эта, матери-одиночки, она ни на секунду о себе забыть не давала. Пособие в 3200 рублей не оставляло такой возможности. Работать надо было хоть кем-то, и вот это «хоть» все и решало. Доходило до того, что ночью голодная Олеся выходила на кухню, и, не включая свет, открывала чей-то шкаф, запускала руку в какую-то пластмассовую банку с крупой, и что ухватила худым кулачком – то и было ее едой на сегодня. Сидеть просить милостыню у метро ей в голову не приходило, с педагогическим-то образованием. А устроиться на работу с грудным ребенком

она могла только в подвальном магазине в ночную смену кас-сиром, больше-то никто на это место не претендует...

Как у всех, Аришка болела своими детскими болячками, но только больничный на работе «по договору» не выплачивают, а тут же берут на это место другого работника. Вспоминать страшно, как приходилось оставлять в кроватке ребенка с температурой, умолять кого-то «заглянуть хотя бы», и убегать на работу в соседний дом, в тот самый подвальный магазин, где торговали пивом и сигаретами. Контингент там был соответствующий, рассказывать про переживания молодой мамы там было некому, но зато можно было подработать несколько часов – и купить ребенку молока, манки, немного свежих яблок...

Казалось, Олеся и не знала, что может быть как-то еще, настолько терпеливо и смиренно она все это проходила, беспокоясь только о том, чтобы девочка ее не страдала. Предложение Сережи жить вместе для нее выглядело как последний поезд из ада.

Татьяна Яковлевна это все понимала, и даже боялась показать, как она ценит и любит Олесю, многое делая тайком, без спроса, понимая, что Олеся может не принять подарка.

Но главное, чем восхищала Татьяну Яковлевну ее невестка – это неизбывная тяга к знаниям и образованиям. Гены были не просто хорошие. Отец Олеси начал ее учить читать

в 4,5 года, в 5 она уже читала бегло и прочитала все, что было в их доме.

Была у них в доме необычная такая книга – «Энциклопедия по гастроэнтерологии», которая Олесю просто завораживала. Она буквально бредила медициной, и говорила об этом непрерывно. Однако, вместо поддержки встречала насмешку и откровенное унижение. «Какая тебе медицина, у тебя ума не хватит! Ума нет- иди в пед!» – говорили родители Олесе. Возможно, это говорили когда-то им самим... Не смотря на то, что в школе Олеся сразу училась на одни пятерки, это не изменило отношение к ее способностям. Когда родилась младшая сестренка, Олеся практически растила ее, и, конечно же, учила и читать. Мать Олеси занималась только собой и танцами, так уж вышло, а Олеся для себя поняла, что ей нравится очень заниматься с теми, кто младше.

«Может и правда, педагогом стать?» – размышляла Олеся, заботливо расправляя бантики на косичках у сестренки. А когда мать ушла из семьи, оставив их наедине с обезумевшим от горя отцом, жизнь превратилась в страшный сон... Соседи какое-то время надеялись, что все образуется, но в результате все же привлекли внимание властей к происходящему. Сестер, наконец, забрали у отца и отдали в детдом, и Олеся смогла вернуться к занятиям.

Очень легко освоила школьную программу, и поступила, уже осознанно, в педагогический. Факультет выбрала самый тяжелый: коррекционный, для детей восьмого вида. Обычно про таких говорят «как овощ». Вот с этими овощами и взялась работать Олеся, интуитивно чувствуя потребности этих детей. Она их понимала, как если бы у нее в сердце стоял приемник, который считывает детский плач как текстовое послание. Здесь было гораздо больше медицинских компетенций, чем педагогики. Шизофрения, дцп, глубокий аутизм – воспитывать и обучать там было некого, только сострадать и принимать, угадывать – когда хочет пить, а когда поменять памперс, следить, чтоб себя не поранил и других. Само собой, Олеся читала много дополнительной литературы, и пришла к выводу, что все же медицинский нужно закончить.

И вот теперь, невзирая на непреодолимые, казалось бы, препятствия, Олеся шла к Мечте... Ее достижения в профессии педагога дали ей устойчивость, а теперь, работая младшей медсестрой (так официально называется санитарка, когда она имеет уже медицинские навыки, а не только швабру умеет держать), Олеся еще больше вдохновилась своим выбором. Люди с забинтованными руками и ногами, распоротыми животами и черепными травмами, а часто уже и без какой-то части тела, очень остро нуждались в человеческом участии, а не только в медицинских манипуляциях. Они ис-

кренне реагировали на заботу, плакали, доверяли Олесе свои тяжелые страшные мысли о будущем, иной раз просили просто побыть рядом после операции. Их благодарность была для Олеси подтверждением, что свой Путь она видит верно, и это давало ей силы продолжать, даже ценой хронического недосыпа из-за ночных дежурств.

Роль Татьяны Яковлевны в этом невидимом подвиге была бесценна: Олеся могла спокойно брать дежурства, сколько хватало сил. Бабушка Тая в любой момент наготове: летом к себе в деревенский дом отвезет, зимой из садика раньше всех заберет, и ни упрека, ни назидания – наоборот, словно это она Олесе задолжала, а не Олеся в ней нуждается... Татьяна Яковлевна понимала, что Олесе бы рядом надо хорошего образованного человека, а для этого надо сперва самой человеком себя почувствовать. Напрямую посоветовать Олесе поискать себе мужа Татьяна Яковлевна опасалась, догадываясь, какие воспоминания от «счастливого брака» остались у ее невестки. Но тайно она надеялась, что в больнице кто-то разглядит этот бриллиант, и Золушка превратится в Принцессу... Но только нужно Время, чтобы раны на сердце затянулись. Сердце не забинтуешь снаружи, только тепло и забота его могут вылечить. Вот это и старалась изо всех сил дать Олесе Татьяна Яковлевна.

Нагулявшиеся девчонки после вкусной каши с какао усну-

ли хором, как из розетки выключили. И сама Олеся, хоть и раскрыла учебник с закладкой, не успела и страницы прочитать, как уже спала, оперевшись щекой на руку. Всего день у нее впереди на отдых, а в воскресенье – на суточное дежурство. И снились Олесе ламантины. Большие такие безобидные морские животные, со смешными носами и очень добрыми глазами. Она их увидела однажды в фильме, и все про них вычитала. Их еще называют «морскими коровами», хотя они очень хорошо двигаются в воде. Но при своем большом размере, они очень наивны, и поймать их ничего не стоит.

Когда Христофор Колумб впервые встретился с ламантинами, он решил, что это русалки, и описывал их, как мужеподобных, хотя и с изящными движениями. Особенно хорошо они владеют хвостом. У ламантинов не очень хорошее зрение, но довольно неплохой слух, несмотря на то, что наружное ухо у ламантинов отсутствует. А еще, у ламантин острое обоняние. Голова у них плавно перетекает в туловище, практически сливаясь с ним. Благодаря тому, что на протяжении всей жизни зубы животных обновляются, они отлично приспособляются к сменяющемуся пищевому рациону. Сильные, мощные зубы легко перетирают любую растительную пищу. Так же, как и у слонов, у ламантинов происходит смена зубов на протяжении всей жизни. Новые зубы появляются в ряду сзади, постепенно сменяя старые, так что пищу они перерабатывают очень тщательно.

Олесе снилось, что она ламантина, и что вокруг много прозрачной теплой воды, от которой тело радостно трепещет и жаждет движения. Во сне к ней подплыла другая ламантина, и глаза у нее были какие-то очень теплые и родные...

5. «Вот он мой клад, вот мой секрет» (из песни Русалочки)

– Папа! Па, па! Давай прочитаем про Русалочку!

– Олеся, я наизусть уже твою Русалочку выучил, давай что-то другое прочитаем?

– Нет, папа, давай Русалочку!

– Как не надоела она тебе...

– Опять Русалочка? День Сурка? – как бы сама себе бормочет мама Олеся, перед зеркалом наводя макияж.

– Вот, далась эта Русалочка, ничего другого не хочет, – оправдывается папа, и снимает с полки большую яркую книжку.

Олеся усаживается на диван, голубое с белыми горошинками фланелевое платье с широкой юбочкой с множеством складок аккуратно расправляет на коленях. Сердце бьется, как у зайчишки, предвкушении сказки. Рядом садится папа, и открывает книгу. Затаив дыхание, Олеся шевелит губами вслед за каждым папиным словом... – Ганс Христиан Андерсон, русалочка, – хорошо поставленным голосом произносит папа, и начинается трогательная история любви Русалочки к красивому принцу, которого она однажды увидела и спасла от гибели.

Чтобы обрести человеческий облик и любовь Принца, Русалочка соглашается обменять свой голос на зелье от колдуньи, которое должно превратить ее рыбий хвост в человеческие ноги. Это необходимое условие, чтобы выйти из морской пучины навстречу Принцу, и танцевать с ним на балу... Принц увлекается ею, но счастье Русалочки длится недолго. Принц, по законам своего времени, заключает выгодный династический брак, а Русалочка должна выбрать – убить Принца или исчезнуть... Настоящая Любовь всегда длиннее Жизни, Русалочка оставляет Принца с его новой суженой, и обращается в морскую пену, а затем и в облака...

Сказка рассказывает о том, что любовь, самоотверженность и радость за других – это и есть настоящее человеческое качество, а вовсе не ноги вместо хвоста...

Олеся каждый раз недоумевает: почему она не подружилась с ним, прежде чем отдать свой голос? Ведь разговаривать друг с другом гораздо важнее. Если бы он с ней разговаривал, и узнал, что она его спасла от гибели, а тем более – если бы услышал, как она поет – он бы уже ни на ком кроме нее не женился! Но она выбрала стать немой, ради того, чтобы быть как все... Как же он поймет, какая она, если она выглядит как все и не разговаривает при том? Загадка никак не разгадывается...

– Па-па! Давай «Русалочку» почитаем! – Олеся, все, меня тошнит от этого триллера, сама будешь читать свою Русалочку! Иди сюда, садись. Вот «Букварь», будем теперь его читать, пока ты не научишься! Смотри, это буква «А»! Нарисуй её! – Можно красным карандашом? – Олеся вся внимание, ведь скоро она сможет сама читать любую книжку без папы! – Можно, любим! Красным даже лучше, запомнишь, что это – гласная буква, потому что ее можно спеть: аааааааа!

Так «Русалочка» стала первой ступенькой Олесяного образования. А когда Олеся посмотрела мультик про Русалочку, то песня про волшебный мир там, на суше, стал ее гимном...

* * *

Ламантина в Олесином сне подплыла очень близко, словно просила о чем-то. Олеся шевельнула хвостом, в знак доброжелательности. Ламантина чуть приблизилась еще, всматриваясь в глаза Олеси. Тихонько ткнулась в ее живот большой доброй мордой... Ощущение от прикосновения было приятное, в ответ Олеся тронула ластой грустное лицо: мол, не бойся, я с тобой!..

Однажды влюбившись в морских коров, Олеся изучила про них, что могла достать. Больше всего ей импонировал их мирный характер – ни клыков, ни шипов, ни ядовитого шлейфа нет у ламантин, только их жизнерадостная теплолюбивая душа. Ламантины могут свободно существовать и в пресной, и в морской воде, но предпочитают теплую воду, не менее 18 градусов. Они редко мигрируют на большие расстояния, в основном предпочитая мелководья. В сутки они редко преодолевают более 3—4 километров. Ламантины предпочитают перемещаться в толще воды в одиночестве или парами.

Эти морские обитатели не представляют территориальных млекопитающих, поэтому у них нет никаких конфликтов с другими морскими обитателями. Если ламантины

сформировали группу, это означает, что у них начинается период размножения. Как правило, группа ламантинов не превышает шести особей. Питаются ламантины только растительной пищей, так что ни для кого не представляют угрозы. Самцы ламантина становятся готовыми стать отцами только по достижению 10 лет, самки взрослеют быстрее – они способны вынашивать потомство с 4—5 лет. За одной самкой могут ухаживать сразу несколько самцов, пока она не отдаст предпочтение кому-нибудь из них. Сроки беременности разнятся от 12 до 14 месяцев. Малыш-ламантин сразу же после рождения может достигать 1 метра в длину и весить до 30 килограмм.

На протяжении 18 – 20 месяцев мама тщательно выкармливает теленка молоком, несмотря на то, что самостоятельно искать и поглощать пищу малыш может уже с 3-х недель жизни. Многие ученые объясняют такое поведение тем, что связь между мамой и детенышем у ламантинов удивительно крепка для представителей животного мира и может длиться многие годы, даже всю жизнь.

По наблюдениям океанологов, здоровая взрослая особь может жить 55 – 60 лет. А тот факт, что ламантин однажды посчитали за русалочек, еще больше очеловечил их образ. Все это делало ламантин в глаза Олеси очень похожими на людей, или если быть точнее – очень похожими на нее са-

my...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.